
Марина Ветрова ✦ Милана Седина
Предательство мужа.
Пока я была под наркозом, ты переписал мой бизнес на свою мать!

Марина Ветрова
Милана Седина

Предательство мужа. Пока я была под наркозом, ты переписал мой бизнес на свою мать!

https://litres.ru/74709178
SelfPub; 2026

Аннотация

Я вернулась из больницы после тяжёлой операции и обнаружила, что больше не хозяйка собственного бизнеса.

Пока врачи спасали мне жизнь, любимый муж подделал мою подпись и переписал галерею тканей на свою мать. Теперь свекровь распоряжается моим наследством, а охрана не пускает меня даже за прилавок!

Родион уверен: после операции я слишком слаба, чтобы бороться.

Но он забыл одну вещь. Я сама построила этот бизнес.

А ещё в мою жизнь вернулся Керим — влиятельный управляющий холдинга, мужчина, которого я знала двадцать лет назад.

Теперь муж стоит передо мной на коленях и умоляет о пощаде. Но я больше ничего ему не должна.

Содержание

Глава 1. Чужая лента 5
Глава 2. Ключи на столе 14
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Марина Ветрова, Милана Седина Предательство мужа. Пока я была под наркозом, ты переписал мой бизнес на свою мать!

Глава 1. Чужая лента

Я вернулась в галерею в то же утро, когда меня выписали из клиники.

Месяц клиники измеряется уколами: от одного до следующего. Дни отсчитывались капельницами, сменами сестёр, тем, как медленно возвращалась способность сидеть прямо без страха, что всё внутри порвётся. Оперировали меня двадцать третьего марта — резали живот, долго, всерьёз. Первые две недели сил хватало только лежать и смотреть вверх; над кроватью белел потолок, такой же пустой, как больничная простыня. Доктор Ашшер, заведующий, каждый вечер присаживался у кровати, проверял повязку и повторял:

— Терпение, Марина Андреевна. Ткань тоже восстанавливается не сразу — сначала держите, потом кройте.

— Доктор, вы меня ещё переводчицей помните. Документы для вашей клиники, помните? До галереи, до мужа, до всего этого…

— Помню. И любовь вашу к тканям тоже. Её здесь уже все выучили. Что вы там перечисляли перед сном?

Вместо ответа снова перебирала ассортимент, как другие читают молитвы: муслин, двойной газ, мальмассери, лён с ручной каймой.

— Опять вы свои рулоны считаете. — Вечерняя сестра поправляла мне капельницу и сверялась с термометром. — У вас температура тридцать семь и два, а вы по ассортименту проходите.

— Хуже. До кройки ещё не дошла. Значит, жива.

Сестра придерживала меня за плечо, пока поправляла постель.

Родион приезжал дважды. Первый раз привёз халат — не мой, новый, бирка не срезана, размер на два больше. Второй раз просидел двадцать минут, глядя в телефон. Потёр переносицу и повернул экран от окна:

— Марин, я бы приезжал чаще, но бизнес, сама понимаешь. Твоя галерея — это же не игрушки, там поставки, арабы, всё серьёзно.

«Твоя галерея». У меня тогда даже улыбка появилась — в голове ещё стоял послеоперационный туман: оговорился.

Мужья оговариваются. Жёны прощают.

— Кофе хочешь? — Во второй визит он уже стоял в дверях и убирал телефон в карман.

— Хочу, чтобы ты посидел. Кофе мне сестра принесёт. Побудь со мной, Родь.

— Я посидел же. Двадцать минут. Машина на парковке, мне ещё через весь город ехать.

Он посмотрел на часы, поддёрнул манжету. Этот жест врезался в память: на запястье ему всегда было важнее посмотреть, чем на меня.

Из клиники меня выписали в десять утра, через тридцать один день после операции. Подняв с кресла больничную сумку — маленькую, спортивную, с двумя молниями, — сложила в неё единственную вещь, которую взяла из дома, когда приезжала скорая: бабушкину шаль. Шёлк, ручная работа, края выведены киноварью и индиго. Бабушка растягивала шаль у меня за спиной, укрывала плечи:

— Это тебе на всякую жизнь. На свадьбу накрыть, ребёнка завернуть, в горе закутаться.

Шаль прошла всё со мной. В ту ночь от боли перехватывало дыхание. Прижимая шаль к лицу, вдыхала лаванду, которой бабушка перекладывала сундук тридцать лет подряд. Потому и увезла её с собой, а теперь застегнула над ней молнию.

— Марина Андреевна. — На прощание доктор Ашшер придержал меня за локоть сухой, точной рукой и вложил

папку в свободное отделение сумки. — Эпикриз у вас, копии все у вас, и ещё — вот эта папка. Моя служба собрала все ваши медицинские протоколы. Держите при себе. Не спрашивайте зачем. Держите.

— Доктор, вы меня пугаете.

— Я вас вылечил. Пугать никого не собираюсь. Только документы берегите: иногда приходится доказывать даже то, что человек болел. Или выздоровел. Идите. Кройте.

Такси от клиники до торгового дома «Аль-Фахр» заняло сорок минут. Всю дорогу сумка лежала на коленях. Скорее бы подняться на свой этаж, увидеть, как откроется старый лифт с латунными створками, знакомый мне десять лет, и пройти мимо стендов, тронув каждый рулон, как здороваются за руку. Водитель глядел на меня в зеркало — женщина в больничных кроссовках, с больничной бледностью, — и на втором развороте притормозил и повернул ко мне голову:

— Мадам, вам в поликлинику? Мне кажется, вам к врачам.

— Нет. Я еду на работу.

— Поздравляю. — Он вернулся взглядом к дороге и пропустил машину справа. — Это лучший день. Работа — это лучший день.

От этих слов защипало глаза. Чужой человек говорил такую нехитрую правду, а у меня дома её, видимо, уже давно не было.

Галерея тканей жила на первом этаже торгового дома, а

мои офис и архив — на пятом. Мой лифт поднимался до пятого. Родион вечно шутил: «Твоя персональная шахта». Шутка была плоская, а смех вырывался по привычке — за десять лет брака научилась смеяться многому.

У входа в галерею стояла новая стойка охраны. Не та деревянная конторка с облупленным лаком, которую я помнила, — стеклянный куб, за ним девушка в тёмной форме с собранными в узел волосами. Красивая, как клинок. Потом я узнаю, что её зовут Лейла и что она начальница охраны, но в то утро она преградила мне путь к моему прилавку.

— Доброе утро.

Поправив на плече ремень сумки, шагнула мимо стойки.

— Мадам. — Девушка вышла из-за стойки и встала поперёк прохода, упершись ладонью в край стекла. Она заняла весь проход. — Ваши документы.

— Мои… — Вырвался тонкий больничный смешок — до того нелепо это прозвучало. Перехватила ремень обеими руками. — Я Марина Смирнова. Это моя галерея. Совладелица, пятьдесят процентов в реестре холдинга. Меня месяц не было, лежала в клинике, вот.

Раскрыв сумку, вытащила выписку. От дрожи в пальцах лист шуршал, как пергамин.

Лейла взяла лист, задержалась взглядом на больничной печати, затем на моём лице и вернула выписку.

— В реестре холдинга совладелица галереи — госпожа Нина Аркадьевна Смирнова. Ваша доверенность на доступ

отозвана. Мне очень жаль, мадам.

— Отозвана… кем?

— Владелицей доли. Утром, — она взглянула на часы. — Четырнадцать минут назад. Вы стояли тогда на улице.

— Стояла. Потому что не знала, что теперь нужна очередь, чтобы войти в собственную галерею. Вы ведь видели меня через стекло. Почему не подошли?

— Мадам, — Лейла чуть понизила голос, и в нём впервые мелькнуло что-то человеческое, быстро спрятанное, — я исполняю приказ нового собственника. Спорьте не со мной. Спорьте с бумагой. Бумага — она честнее людей, но и холоднее.

— Позвоните Родиону Смирнову. Мужу. Он всё объяснит.

— Господин Смирнов внизу, — Лейла чуть повернула голову. — У фонтана.

Тут над прилавком блеснула табличка. Над моим прилавком — над тем самым, за которым бабушка когда-то в маленькой лавке у моря отвешивала мне лоскуты «на платья куклам», над которым я сама простояла десять лет и мозолей, и переговоров, и ночных инвентаризаций, — висела латунная табличка. Новая. Блестящая.

«Н. А. Смирнова. Владелица».

Н. А. Вместо моих М. А. — Нина Аркадьевна. Свекровь. Женщина, которая за десять лет ни разу не заплатила за себя в этой семье ни дирхама, которая называла меня «дочень-

ка» и брала с полок галереи отрезы «на халатик», не подписывая ничего, потому что «мы же семья». Буквы блестели, вокруг креплений ещё светлели свежие царапины: табличку повесили на днях. Пока я лежала с трубками, кто-то выбирал шрифт. Кто-то ехал с табличкой в машине и думал, куда прибить. Эти подробности били заново — шрифт, поездка, отвёртка. Предательство готовили между делом, в рабочие часы, аккуратно.

Путь до фонтана провалился из памяти. Остались скользкий холодный мрамор под подошвами, голоса, эхо и Родион: стоял, опёршись о бортик, с кожаной папкой под мышкой. Он увидел меня — и не вздрогнул. Он умел не вздрагивать. Он поставил на столик стакан с соком, который пил, поправил ремень сумки и пошёл мне навстречу с виноватой, усталой, такой знакомой улыбкой — той самой, которой он десять лет встречал меня с работы: «Устал, Марин, ты не представляешь».

— Приехала. — Он потянулся к моему плечу и отдёрнул руку. — А я хотел тебя встретить, в клинике сказали — сама. Как ты?

— Родион, что за табличка над моим прилавком?

Голос звучал чужим; пришлось стиснуть зубы и сглотнуть.

Он вздохнул. Он всегда вздыхал перед трудной правдой — набирал воздух, как игрок, берущий тайм-аут.

— Марин, давай сядем.

— Нет.

— Там скамейка, вон, у пальмы, давай я подержу сумку…

— Родион. Табличка.

— Марина… — Он понизил голос и наклонился ко мне. Пахнуло прежним одеколоном и чем-то новым, канцелярским. — Ты же болела. Тяжело болела, месяц. Кто-то должен был держать бизнес? Поставки, банк, холдинг — всё висело. Звонки каждый день: «где Смирнова, кто решает, кто подписывает». Я не мог всё тащить один, юридически я в галерее никто, ты же знаешь, твоя доля, твоя бабушка, твой дом… Я оформил твою долю на маму. Временную схему. Чтобы бизнес не встал.

— Временную.

— Да. Ну то есть… смотри сама, всё обратимо, документы же, а не кирпичи. Это же не кража, Марина, это менеджмент.

— Менеджмент. — Пробовала слово на вкус, как пробуют воду из незнакомого колодца. — А чтобы переписать долю в реестре холдинга, нужна моя подпись. Нотариальная. Моя. Подпись. Ты менеджер — или ты подписывал?

Он открыл папку. Не сразу — с той тяжёлой неохотой, с которой отворяют дверь в комнату, где уже знаешь, что лежит на столе. И достал листы. Вверху стояли мои фамилия и инициалы — М. А. Смирнова, — внизу подпись. Моя подпись. Мой наклон «М», мой росчерк, выработанный за годы накладных.

— Это не я. — Подступив к мужу, потянула край листа к себе. Вода в фонтане за его спиной поднималась и падала,

поднималась и падала. — Я ничего не подписывала. Я месяц лежала в клинике. Меня резали, Родион. Меня тридцать один день не было.

— Ты подписывала. — Он бережно высвободил лист и придержал меня за запястье. От его ласковой заботы к горлу подкатила тошнота, сильнее, чем после наркоза. — В марте. Перед операцией. Неужели не помнишь? Ты была на препаратах, растерянная… Я сказал — бумага для банка. Ты подписала не глядя. Это твоя подпись, Марина. Экспертиза подтвердит — почерк твой.

— Бумага для банка. — Подняв на него глаза, упёрлась пятками в мрамор: ещё чуть-чуть, и покачнусь. В голове стояла тишина — как перед наркозом, когда счёт уже пошёл и остановить нельзя. — Ты принёс мне её на кухню. Я резала лук. Ты сказал: «Марин, подпиши, тут мелочь, я потом объясню». Подписала, не выпустив из другой руки нож, у меня на листе была луковая капля. Найди её на своём документе. Она там есть?

Глава 2. Ключи на столе

Он опустил глаза на папку. На одно мгновение — долю секунды — он подцепил пальцем страницу, собираясь перевернуть её, и замер. Вот и ответ, раньше экспертизы, раньше суда.

Тогда под свежим швом всё стянулось, пришлось прижать ладонь к животу. Он готовился. Приезжал в клинику и уже знал, как оформит за моей спиной мою половину — на свою мать. Вспомнилась его улыбка в зеркале заднего вида, когда мы ещё ездили вместе: кто знает, сколько раз за этой улыбкой он считал мои проценты.

— Отдай, — я протянула руку к папке. — Отдай мне копию. Сейчас.

Он прижал папку к груди, как школьник дневник.

— Зачем тебе стресс? Тебе нельзя волноваться, доктор сказал… Мама всё ведёт нормально, бизнес не страдает. Проживём — всё перепишем обратно. Куда ты денешься… — Он коротко усмехнулся и потёр лицо ладонью, возвращая себе усталый вид. — Я имею в виду — всё будет по-семейному. Отдыхай. Восстанавливайся.

— Родион. Скажи мне одну вещь, глядя в глаза. Одну, и я уйду. Ты в ту ночь, когда меня увозила скорая, — ты боялся за меня?

Он выдержал мой взгляд. Он это умел — у него это было

лучшее из умений.

— Ты выглядишь уставшей. — Он отступил к лифту и прижал к боку папку. — Поезжай домой. Тебе лимон в чай, ты всегда пила с лимоном.

Он ушёл к лифту. К моему лифту. Встал в латунные створки, обернулся — вежливо кивнул, как чужой, — и створки сомкнулись, и цифры над дверью поползли вверх: два, три, четыре, пять. Мой этаж. Едет. Без меня.

У фонтана холодило ноги в больничных кроссовках. Сумка с бабушкиной шалью тянула плечо, над дверью горела золотая пятёрка; от неё невозможно было отвести взгляд, а лифт всё не спускался за мной.

Больше он для меня не поднимался.

В квартиру мужа вернулась на такси; на дорогу наскребла последние наличные. Ещё в клинической кассе моя карта оказалась заблокирована. Там развели руками: «Техническая ошибка, мадам, обратитесь в ваш банк». По пути домой заехала в отделение.

— Счёт находится в режиме совместного распоряжения, — объяснила операционистка. — Изменения внесены вторым распорядителем.

— Родион Смирнов. Мой муж. А меня спрашивать не нужно?

— При оформлении вы разрешили такие изменения. Вот здесь, мадам.

Она развернула экран и указала на строчку. Десять лет он

был здесь «на всякий случай». Настал случай.

— Мадам, вам дверь закрыть или открыть?

Девушка поднялась, взялась за ручку. Смотрела с жалостью, как на человека, у которого в руках гаснет телефон.

— Откройте. Мне нужно дожить до конца недели.

— До конца недели… — Она вернулась к столу и вынула из сумочки деньги. — Тут пятьсот. Это моё, мадам. Не банка. Возвращать не надо. Только доживите до конца недели.

Домашние ключи у меня были — свои, связка с бубенцом от свекрови, подаренная «для удачи». Отперев дверь, убрала связку в карман; рядом с бубенцом звякнул маленький ключ от моего стола в галерее.

На столике в прихожей лежали мои ключи от входа в галерею. Аккуратно, поверх пропуска в торговый дом; эту рабочую связку Родион увёз из клиники ещё в первый визит. Рядом — записка его почерком: «Временная мера. Не обижайся. Р.» Не обижайся. Два слова, и оба врут.

В гостиной сидела Нина Аркадьевна. Моя свекровь расположилась на диване с журналом и чашкой моего китайского чая — из моих чашек, купленных на мои первые галерейные деньги. Она принарядилась, как всегда, — жемчуг, кардиган цвета взбитых сливок, свежий маникюр.

— Доченька! — она поднялась, раскинула руки. — Приехала наша болезная! Дай-ка я на тебя посмотрю… Худющая-то какая. Ну ничего, отъешься. Садись, я тебе чаю налью, только у меня сахар, а тебе нельзя, наверное? Ну я тебе

без сахара.

— Нина Аркадьевна… — Сняв с плеча больничную сумку, поставила её у столика с ключами. — Почему на вас переписана моя доля галереи?

Она отмахнулась, как от мухи, — жестом, отработанным десятилетием.

— Ой, да что ты с этой долей пристала, как банный лист. Родя же сказал — временно! Семейный бизнес, что твоё, что наше. Я, думаешь, хотела? Мне эти ваши ткани — вот нисколько не интересны, я женщина простая. Но раз надо — надо. Юристы сказали надо, значит надо.

— Юристы Родиона.

— Юристы семьи, — она поставила чашку, и чашка звякнула о блюдце — первый маленький честный звук за весь разговор. — Марина, ты пойми правильно. Ты болела. Ты, может, ещё… не совсем в форме. Бизнес — это ответственность. А Родя — мужчина, ему расти надо. Доля повисела на мне — и на Родю перейдёт, всё в семье останется.

— Доля не «повисит». Доля — половина галереи, которую я подняла с нуля. С бабушкиной лавки. Где, кстати, годами работала бесплатно, потому что «в семье останется».

— Ну вот и останется! — она всплеснула руками, и жемчуг качнулся. — В семье! А ты в семье кто? Ты жена Роди. Жена при муже. Хорошая жена, была. А что ты теперь? Ты месяц по больницам, у тебя, может, и впредь… — она осеклась и потянулась за остывшим чаем. Окончание фразы по-

висло между нами, липкое: «и впредь ничего не гарантировано».

— Скажите это прямо. Проговорите до конца. Вам же легче, когда договорено.

— Да что ж ты слова изо рта тянешь, как нитки из катушки! — она откинулась от меня и стиснула ручку чашки; вот теперь злость была настоящей. — Болеешь, вон, а характер! Родя целыми днями крутится, а ты со своей шалью да со своими тряпочками… Побойся бога, Марина, семью не разрушай.

— Семью. — На кухонной сушилке стояла моя чашка с трещинкой. В то утро, когда тест впервые показал две полоски, она выскользнула из рук; беременность потом не подтвердилась. Другой так и не случилось. У сушилки повернула чашку трещинкой к себе: здесь об этом помнила одна. — Нина Аркадьевна, я хочу спать. Я после операции. Пойдёмте, я вам покажу, где чай, и вы пойдёте к себе, а я — к себе. Мой чай у меня в шкафу. Моя квартира. Пока — моя.

Секунд десять молчала, опираясь на столешницу. Дыхание выправилось; доктор Ашшер назвал бы это восстановлением. Шов тянуло, но стоять уже получалось без чужой помощи. И выдержать этот разговор тоже.

— Забираю ключи от галереи.

Вернувшись в прихожую, протянула руку к столику.

— Ключи Родя забрал, чтобы не потерялись. — Она опередила меня и сгребла связку с пропуском в карман кардиган

гана. — И вообще, тут вот какое дело, доченька. — У дивана стояла моя большая дорожная сумка, собранная без меня. Свекровь подтащила её и расстегнула; больничная осталась у столика. — Тут тебе юрист звонил, сказал, Родя на раздел имущества подал. Квартирку поделить, машину. По-хорошему, по закону. Ты не переживай, тебе тоже что-нибудь останется.

Из большой сумки она доставала и складывала на столик, на место отнятых ключей, мои вещи. Фотоальбом. Шкатулку с серьгами. Маленький пакетик с семенами базилика, бабушкиными, с наклейкой её руки: «для Маринки». Как ревизия. Как опись. Меня описывали, вычёркивали, переносили в графу «остатки».

Взяла пакетик с семенами — только его. Подняла больничную сумку с шалью и прижала к боку.

— Хорошо вы устроились, Нина Аркадьевна. Запомните этот день. Запомните, как вам вкусно. Дорого стоит помнить вкус, когда платят потом другие.

— Угрозы! — она даже обрадовалась. — Родя, слышишь, что она говорит! Родя-а!

Но Родиона дома не было. «В офисе», конечно. Стоило понадобиться мужу — и там у него находилось самое срочное дело.

— И знаете что, — у двери она обернулась и задержала ладонь на ручке: приберегла ещё одно удовольствие, — табличку эту Родя сам выбирал. Латунь. Дорогая. Хороший знак,

говорит, дай матери.

Дверь закрылась. В прихожей лежали разложенные для описи вещи. С кухни доносилось кап-кап, кап-кап — кран отсчитывал секунды чужой жизни, которую мне предлагали прожить дальше.

В спальне легла на кровать, не раздеваясь, накрылась бабушкиной шалью и стала вспоминать ткани. В клинике это помогало уснуть: муслин, двойной газ, мальмассери. Лён с ручной каймой. Крепдешин цвета полуденного неба над заливом. Сон пришёл под утро.

А днём меня опять не пустили в галерею: Лейла стояла на своём посту и смотрела поверх моего плеча. Пришлось обойти торговый дом с той стороны улицы, откуда витраж пятого этажа был виден целиком. У перехода остановилась, задрав голову, как туристка. За стеклом двигалось что-то золотое.

Лифт. Сквозь стекло была видна старая латунная шахта; когда-то ею так гордилась: «моя золотая вена здания». Кабина поднималась. В кабине стояли двое: Родион в своём сером пиджаке и Нина Аркадьевна — она держала его под руку и что-то говорила ему, довольная, и он кивал. Они поднимались на пятый этаж. В мой архив. К моим каталогам. К моей жизни. Мать что-то рассказывала, забрасывая голову, — по движению губ угадывалось знакомое «и вот я ему говорю», — и они смеялись в моей кабине, и стекло швейцарского качества не пропускало ни звука. Стекло милосердно глушило смех. Только рты разъезжались в улыбках — они веселились,

поднимаясь по мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.